

6+

Ужасная пещера

Рассказ вождя Черного Лося

Джеймс Уиллард Шульц

Джеймс Уиллард Шульц

Ужасная пещера

«Автор»

1920

Шульц Д.

Ужасная пещера / Д. Шульц — «Автор», 1920

Рассказ старого вождя о днях его молодости, о его необычном приключении, связанном с таинственной пещерой

© Шульц Д., 1920

© Автор, 1920

Джеймс Уиллард Шульц

Ужасная пещера

Предисловие

Там, где теперь поднимается дым над гостиницами национального парка Глейсир, поднимался прежде дым над нашими вигвамами; там, где со свистом проносятся автомобили с туристами, проезжали мы на своих охотничьих лошадях. Там мы с Черным Лосем ставили лагерь, и там он рассказал мне эту историю об Ужасной пещере. Я никогда не пытался войти в эту пещеру, но как много раз я останавливался у места, куда падал водопад из этой пещеры и наблюдал за форелью в глубоком чистом озерке, иногда замечая выдру или бобра, а порой и более крупную дичь! Это было больше сорока лет назад. Недавно кто-то назвал этот, текущий из утеса поток, наш водопад Бегущего Орла – Смешным водопадом! а нашу гору Поднимающегося Бизона – горой Рокуэлл! Озеро Ревливой Женщины стало озером Макдермотта! Наши древние названия почти всех гор, озер и рек у нас отняты, как и вся наша земля. Мы подали прошение министру внутренних дел и всем властям имущим в Вашингтоне, даже президенту, восстановить их, но пока наши усилия остались без результата. Мои друзья из племени черноногих говорят: "Белые забрали у нас нашу страну, нашу дичь, и уничтожили путь, который предназначило нам Солнце, а теперь они забирают у нас и названия наших гор. Так они хотят уничтожить саму память о том, что когда-то мы владели этой обширной страной!"

Вы, кто прочтет эту повесть, кто ходит по горам и рекам, где когда-то ходили мы, разве вы не потратите несколько минут своего времени, чтобы написать своим сенаторам и конгрессменам письма с просьбой восстановить эти старые названия? **Джеймс Уиллард Шульц (Апикунни)**

Университетский Клуб, Лос-Анджелес, 1 августа 1920 года

Глава I

Я и Голубка увидели Ужасную пещеру и заметили бога воды.

Я отметил зимы на ребре этого старого лука. Это был лук моего дедушки; он сделал его в дни своей юности, и отдал его мне, когда был уже стариком. Первую засечку я сделал, когда отмечал свою восемнадцатую зиму, в которую я впервые столкнулся с врагом (это был военный отряд Ворон), мы сразились с ними, и я добыл свой первый скаल्प. Считай засечки – их пять десятков и одна; как раз пятьдесят лет назад, в такой же месяц Новой Травы мы пережили страшные бедствия.

Мы тогда стояли лагерем, в котором было пятьсот вигвамов или даже больше, в лесистой долине, где Барсучья река и река Двух Шаманов сливаются, образуя Медвежью реку (ныне река Мараис в штате Монтана).

Тяжелый Бегун был предводителем нашего общества, Маленьких Накидок. Его главная жена, Поющая У Входа, была женщиной с прекрасным характером, добрым и щедрым сердцем, которую все мы любили и уважали, и она тяжело болела. К ней звали разных целителей, которые отпаивали ее разными настойками из корней, коры и листьев, но ей становилось все хуже. Тогда к ней стали приходить шаманы – каждый возносил за нее свои обращенные к Солнцу молитвы, пел священные песни и просил вернуть ей здоровье, но ее состояние продолжало

ухудшаться. Мой отец, Медвежий Орел, был сильным шаманом, владеющим бобровой, или, другими словами, наделенной силой воды трубкой. Он был последним, кого призвали к вигваму больной, и он привел с собой мою мать и другого шамана, Старое Солнце, и его главную жену, чтобы они помогали ему. Всю ночь напролет, раскрасив в священные цвета руки, ноги и лицо больной, они молились, пели и курили, прося вернуть ей здоровье, но после восхода она скончалась, позвав своего мужа и прося его обнять ее покрепче – это было все, что он мог сделать для того, чтобы удержать ее тень и не дать ей отправиться в длинный путь к унылым Песчаным Холмам

Она умерла, и Тяжелый Бегун осторожно положил ее тело на лежанку, потом вышел наружу, поднял к небу руки и стал проклинать солнце. Я не могу, я не осмеливаюсь передать тебе его слова. Никогда прежде никто из наших людей не делал столь ужасных вещей. Некоторые, кто услышал его, останавливались и слушали его; другие убегали, потому что не могли этого слушать. Долго он стоял там, называя солнце всеми дурными словами и призывая его сделать ему еще что-то плохое, а затем повернулся к младшим женам и сказал им:

– Приготовьте к похоронам тело моей любимой! Я пойду и приведу несколько лошадей, чтобы убить их при ее похоронах!

– Отец, отдохни! Я пойду за лошадьми. Отдохни, отец, и попроси у Солнца прощения за все, что ты ему сказал! – сказал ему один из сыновей.

Но Тяжелый Бегун, казалось, его не видел и не слышал. Он пошел через лагерь, сделал несколько шагов, упал и был мертв прежде, чем кто-то мог к нему подбежать. Теперь женщины плакали уже по двум любимым, они перенесли его тело в вигвам и тоже стали готовить его к похоронам. Весь лагерь пребывал в отчаянии – мы могли думать только о том, как ужасно наказало Солнце нашего вождя. Даже маленькие дети сидели тихо, испугавшись сами не зная чего. Собаки в лагере скулили, что было для них признаком беспокойства, и собирались в стаи, загнув хвосты между ног.

И в это время через весь лагерь прямо к вигвамам нашего общества Маленьких Накидок прошел одинокий воин, по имени Желтое Перо, и со стоном выкрикнул:

– Увы! Увы! Увы! Я – единственный оставшийся в живых из нашего отряда! У водопадов Большой Реки, ночью, на нас напал большой вражеский отряд! Мы храбро сражались, но нас было всего двенадцать человек, а их множество! Я один остался в живых!

Так сидел он и причитал перед вигвамом вождя, волосы его были грязные и спутанные, лицо и руки выкрашены в черный цвет. Родители, жены, дети и друзья погибших причитали с ним вместе, повторяя беспрестанно имена погибших. Наконец воин встал, отбросил волосы со лба и обратился к моему отцу:

– Медвежий Орел, шаман, что теперь скажешь ты о своей водной магии? Ведь это ты проводил с нами церемонию потения в священной хижине в день, когда мы уходили в поход! Мы курили твою священную трубку и молились Солнцу, и ты уверял нас в успехе! Ха! Успех! Медвежий Орел, я говорю тебе, что твоя трубка потеряла свою священную силу!

Что мог ответить на это мой отец? Больная женщина умерла, когда он молился за нее! Одиннадцать прекрасных, храбрых воинов, для которых он провел магический обряд и о которых каждый вечер молился, тоже были мертвы! казалось, он постарел на глазах, выслушивая последнего выжившего воина. Лицо его стало серым, всегда стройная спина согнулась. Не сказав ни слова, он повернулся и медленно, волоча ноги, вернулся в вигвам. Одинокий воин снова сел и возобновил свои причитания.

Днем обернутые в шкуры и одеяла тела вождя и его жены были отвезены вверх по реке, где их привязали к настилу из жердей, привязанных к ветвям хлопкового дерева, под которым были убиты четыре лошади. Целый день люди носили траур по покойным. На закате вошли в лагерь семь человек из отряда в двадцать три воина, который месяцем раньше ушел на восток в набег на ассинибойнов. Отряд тоже попал в засаду превосходящих сил врага, и только семь

человек смогли уцелеть в этом сражении. Так что наступившей ночью траур в нашем лагере охватил еще больше людей. По лагерю пошли разговоры о том, что боги, судя по всему, покинули нас.

Старое Солнце был шаманом отряда, который пошел на ассинибойнов. Эти семеро уцелевших обвинили его в случившемся и сказали, что его громовая трубка утратила магическую силу. Как и мой отец, он был столь расстроен, что не мог ни есть, ни спать. Вечером следующего после похорон нашего вождя и его жены дня Старое Солнце вошел в наш вигвам. Мой отец жестом предложил ему сесть, набил и зажег трубку и протянул ему. Они курили медленно, затягиваясь по очереди и не произнося ни слова. Тишина стала почти невыносимой. Я чувствовал, что не могу больше этого выносить.

Я хотел выйти из вигвама и побродить по лагерю, когда Старое Солнце сказал моему отцу:

– Друг мой, какая ужасная неудача постигла тебя и меня. Никогда у нас не было более сильных талисманов, чем сейчас, и вдруг они нас подвели. Вместо жизни и удачи смерть приходит к тем, кто прибегает к нашей помощи. Что ты думаешь, в чем причина этого?

– Я думал и думал об этом, и не могу ничего понять. Я просто схожу с ума, – ответил мой отец.

– Ну тогда я скажу тебе, что об этом думаю, – сказал Старое Солнце. – Я полагаю, что табак, который мы используем в наших священных трубках, неприятен богам, потому что они не могут переносить запах этого дыма. Не заметил ли ты, какой неприятный запах имеет дым и какой горький у него вкус?

– Он действительно горький и плохо пахнет. Я думаю, что ты прав: если это неприятно нам, то тем более должно быть неприятно и богам. А не может ли быть, друг мой, что торговец, у которого мы его получили, нарочно подмешал в него свое белое знахарство, чтобы принести нам неудачу!

– Нет, он бы не сделал этого. Я уверен в том, что он наш друг. Его жена из племени манданов, и она хорошо о нем говорит, – сказал Старое Солнце.

Они говорили о Ки-Па¹, вожде компании Длинных Ножей, который прошлым летом прибыл с лодками и людьми, чтобы торговать с нами товарами из Большого Дома в устье Йеллоустоуна и построил факторию в устье Медвежьей реки.

– Хорошо, но может быть плохая магия была в табаке прежде, чем он его получил, – сказал мой отец. – Во всяком случае, мы больше не должны его использовать. Мой друг, теперь нам остается одно: мы должны использовать только наш старый нах-уак-о-сис во время своих магических церемоний. Только так мы сможем вернуть покровительство богов.

– Но у нас его очень мало; в нашем племени его уже много лет никто не выращивает, – возразил Старое Солнце.

– У меня немного осталось. Половину должен взять ты. И я знаю, что у вдовы нашего старого друга, Маленького Волка, есть большой мешок семян. Слушай, друг мой. надо взять у нее семена, посеять их и собрать большой урожай листьев, – сказал мой отец.

– Да, а потом мы уйдем, а вернувшись, обнаружим, что олени и саранча все съели!

– Нет! – внезапно воскликнул мой отец, выпрямившись и громко хлопнув в ладони. – Нет! Нам это так важно, что мы должны рискнуть. Мы выберем подходящее место и посеем семена, и сами останемся на этом месте и будем следить за посевами, защищая их от того, кто смог бы их съесть.

– А нас самих может убить проходящий мимо вражеский отряд!

– Мы должны рискнуть! – сказал мой отец. – Однако, если мы будем осторожны, то риск не будет очень велик. Я предлагаю нам пойти в лес, окружающий нижнее озеро Двух Шаманов, и отвести лошадей назад, чтобы наши родичи пасли их. Там в лесу много полян, где много солнца и тепла, и наши посадки хорошо будут расти.

– Хорошо! Так и сделаем, если получим семена, – сказал Старое Солнце.

Мой отец послал мою мать, чтобы она расспросила об этом старую вдову, Краснокрылую, и она скоро возвратилась вместе с нею, последняя несла шкуру антилопы, снятую целиком, с ногами, она была набита и выглядела как настоящее животное.

– О великие шаманы, как счастлива я была, услышав ваш зов, – кричала старуха. – Я так долго берегла эти священные семена, надеясь, что кто-то их посеет, и теперь вы это сделаете! О, возьмите их! Посейте все! Смотрите, какие хорошие семена!

С этими словами она сунула руку в рот шкуры и вынула горсть крупных, тонких сероватых семян, показала их нам, а потом высыпала обратно и положила шкуру перед моим отцом.

– О, боги любят нах-уак-о-сис ! – воскликнула она. – Сам Старик создал эти семена и посеял их, а Солнце согрело землю и заставило их прорасти и превратиться в растения с большими листьями и дать новые семена для наших отцов. И наше племя пользовалось им с давних времен и все у нас было хорошо, пока вы, шаманы, не перестали им пользоваться и заменили его сорняками, купленными у белых торговцев, и наши вигвамы наполнились горьким вонючим дымом!

– Ты верно сказала, добрая женщина, – сказал ей Старое Солнце.

– Мы с удовольствием возьмем эти семена, – сказал мой отец, – посеем их и будем за ними ухаживать, они вырастут, и в месяц Падающих Листьев соберем семена и отдадим тебе столько, сколько ты дала нам.

Моя мать приготовила для старухи небольшое угощение. Мой отец и Старое Солнце пошли в вигвам Одинокого Ходока, нашего главного вождя, поговорить с ним об их планах, и я пошел с ними. Одинокий Ходок сразу собрал совет всех вождей клана. Они все согласились с тем, что само существование племени зависит от того, чтобы шаманы снова стали использовать нах-уак-о-сис , но некоторые утверждали, что семена нужно посеять, как это делалось раньше, а потом можно уйти и предоставить посевы собственной судьбе. Они боялись за нас; если две семьи останутся, то их может обнаружить и убить вражеский отряд, а жизни шаманов представляют для племени большую ценность, и не стоит ими так рисковать. Все же после долгих разговоров мой отец и Старое Солнце настояли на своем. Было решено, что племя пойдет к реке Торчащей Скалы (Солнечная река), а оттуда на юг к горам Ремня, где проведут лето, а в месяц Падающих Листьев вернутся на север к реке Двух Шаманов, где мы должны будем к ним присоединиться.

Уже на следующий день наши две семьи отправились к озеру Двух Шаманов – с нами пошли два моих двоюродных брата и племянник Старого Солнца, они пошли с нами, чтобы в течение лета помочь нам присматривать за лошадьми. Едва мы вышли из лагеря, как нас догнала Краснокрылая и ее внучка, Голубка, очень красивая девушка примерно моего возраста. Старуха подъехала к с моему отцу и Старому Солнцу, крича:

– О великие шаманы! Мы здесь, и с нами наш вигвам и все наши пожитки, навьюченные на лошадей. Я хочу помочь вам ухаживать за посевами и вырастить нах-уак-о-сис. Пусть ваши сердца не будут каменными! Позвольте нам пойти с вами

Мой отец вопросительно посмотрел на Старое Солнце, тот кивнул, и ответил старухе:

– Мы рады, что вы идете с нами. Ты дала нам священные семена, и мы будем очень рады, если вы поможете нам вырастить урожай.

– Ха! Я так и подумала, что ты так ответишь, воскликнула старуха, она была так счастлива, что начала петь, и пела все утро одну песню за другой.

Итак, в середине следующего дня мы спустились в глубокую долину у озера Двух Шаманов, переправились через реку в нижней части озера, прошли немного по участку прерии и стали искать хорошее место, где можно было бы высадить семена и поставить лагерь под защитой густого леса, покрывавшего склоны гор до самых голых скал в их верхней части. Такое место мы там не нашли. Мы вернулись, повторно пересекли реку и пошли по натопанной

звериной тропе, идущей рядом с озером. Этот склон долины был солнечным, теплым и там росло много деревьев – осины, хлопкового дерева и целые рощи сосен и елей. Недалеко от верхней части озера мы сошли с тропы, прошли вдоль маленького ручейка к роднику и там разбили лагерь. Чуть ниже родника был большой участок ровной земли, по размерам намного больше, чем было нам необходимо. Мы только срубили несколько осин, которые затеняли землю, и теперь сырая земля, усыпанная темными листьями, целый день согревалась солнечными лучами. Мы поставили наши три вигвама под укрытием нескольких хлопковых деревьев, стоявших чуть выше родника. Это место было примерно на полпути между озером и вершиной длинного горного хребта, поднимавшегося от равнины до подножия внешней горы Хребта Мира, имевшей голую скалистую вершину.

Рано утром на следующий день наши родственники взяли наших лошадей и отправились с ними домой. Хотя мой отец и Старое Солнце очень возражали, я не отдал двух лошадей, которых привязал недалеко позади лагеря. Я сказал, что они необходимы мне для того, чтобы привезти добытое мною мясо для пропитания обитателей трех наших вигвамов – на себе я бы не унес столько, сколько требовалось. Старое Солнце, его главная жена, Северная Женщина, его младшие жены – Красивая Накидка и Стрела, и пятеро их детей – всего девять человек. Краснокрылая и ее внучка – еще двое. Мой отец и его старшая жена – моя мать, Поющая Одна, и мои почти-матери, Бегущая и Маленькая Лиса, и их пять детей, и я – всего десять.

– Однажды военный отряд наткнется на следы твоих лошадей и пройдет по ним прямо в наш лагерь, – сказал мой отец.

– Я буду держаться подальше от троп. Когда я должен буду их пересекать, то спущусь и сотру следы, – ответил я.

– Лошадей могут заметить издали, – сказал Старое Солнце.

– Не моих; я буду привязывать их в лесу и не выезжать на открытое место, – ответил я.

В тот же день женщины срубили осины, стоявшие на месте, которое мой отец и Старое Солнце наметили для посадки, и убрали их, и начали таскать на это место, которое было размером примерно в семьдесят пять шагов в длину и пятьдесят шагов в ширину, сухие кусты. Скоро они собрали все, что было рядом, и тогда оченьгодились мои лошади, чтобы таскать сухие стволы и ветки, собранные вокруг. Эта работа продолжалась весь следующий день, и к вечеру весь участок был покрыт доходящим до груди слоем сухих кустов и веток. В полночь, когда менее всего было вероятно, что пламя заметят, мы взяли горящие ветки из наших очагов и со всех сторон подожгли эту грудку. Какой же это был костер! Жар был такой, что мы отошли в наши вигвамы. Пламя ревело, словно большой водопад, и освещало весь склон горы; горение продолжалось долго, и только к рассвету прогорели последние крупные стволы и угли перестали тлеть. Мой отец и Старое Солнце подошли к краю кострища и острыми палками вырыли там ямку; даже на глубину длины руки земля было очень горячей, и было ясно, что все корни травы и сорняков на этом месте были уничтожены. Посаженные в золу семена нах-уак-о-сис росли бы, не имея никаких соперников, и, разумеется, выросли бы до наступления холодов.

Мы ждали день и ночь, пока не остынет земля, а потом женщины стали рыхлить ее острыми палками и бизоньими лопатками, чтобы можно было посадить в нее семена. Мясо у нас почти закончилось, поэтому я оседлал одну из лошадей и поехал на охоту. У меня было хорошее новое кремневое ружье, купленное у торговца в устье Медвежьей реки, и взял с собой его вместе с луком и стрелами, которые подарил мне дедушка. В те дни мы предпочитали пользоваться луками, а не ружьями, по двум причинам: потому что лук был бесшумным и потому, что порох и пули стоили дорого и за ними нужно было далеко ездить.

Я едва удался от лагеря на расстояние видимости, как оставшаяся в лагере лошадь стала призывно ржать, зовя своего друга, а тот стал громко ржать в ответ, гарцевать и бить копытами, и, невзирая на мои усилия, самовольно попытался повернуться и побежать в лагерь. Я заставил его идти дальше, но он продолжал вести себя так же – гарцевал, ржал, бил копытом

и делал вид, что всего боится – камней, пней, упавших веток, и при этом производил так много шума, что распугал бы всю дичь прежде, чем я бы ее увидел. Продолжать охоту было бесполезно. Я решил вернуться в лагерь, решив оставить лошадь там и пойти охотиться пешком, но тут увидел, что из лагеря через лес приближается ко мне на другой лошади Голубка. она подъехала ко мне, и животные приветствовали друг друга низким ржанием и потерлись носами.

– О Черный Лось, почти-брат, – сказала она, – они крикнули мне, что лошади делают слишком много привлекающего врага шума, и приказали мне пойти к тебе, чтобы помочь разделить твою добычу. Я обрадовалась! Я ненавижу копать в земле!

– Ха! Я никогда не думал, что ты такая лентяйка! Стыдись! – сказал я ей.

– Я не ленивая! – едва не заплакала она. – Просто я неправильно родилась. Я ненавижу женскую работу. Я должна была бы быть мальчиком. Я люблю ездить верхом, сопровождать охотников. Я хочу иметь оружие и сама хочу добывать мясо для нас с бабушкой!

Серьезность девочки понравилась мне; ее глаза горели от негодования.

– Почти-сестра, – сказал я, – во время этих летних лун ты будешь охотником. Ты будешь охотиться вместе со мной. Мне действительно нужна твоя помощь. Поехали. Мы спустимся в долину и попробуем убить лося или оленя.

Мы поехали вниз по склону хребта, чтобы выйти в долину выше верхней части нижнего озера. У подножия хребта мы спешили и привязали лошадей. Дальше мы пошли пешком и пересекли хорошо натопанную тропу, которая шла от равнины, поднималась на хребет и спускалась с другой его стороны. Это была большая звериная тропа, и время от времени ее использовали западные племена – Змеи, калиспеи, пен д'орелли, нез персе и кутенаи, которые приходили на наши равнины, чтобы поохотиться на нашу дичь. В это время мы были в состоянии войны со всеми кроме кутенаи. С ними мы всегда были в дружеских отношениях, и всегда были рады, когда они приходили из своей горной страны, чтобы поставить лагерь и поохотиться вместе с нами.

Мы тщательно исследовали тропу и не нашли никаких признаков того, что по ней проходили враги. Мы прошли дальше вниз, к бобровому пруду чуть выше верхней части озера. Этот пруд был самым большим бобровым прудом в нашей стране. Высокая широкая плотина проходила через всю долину и была такой старой, что на ней уже выросло много хлопковых деревьев. В дамбе было четыре или пять мест для спуска излишней воды во время паводка, и она была в отличном состоянии. В пруду было множество бобровых хаток, и мы видели множество плавающих животных. У меня было три ловушки, и я решил, что здесь можно их поставить.

И выше и ниже водоема были густые заросли ив, перемежающихся рощами хлопковых деревьев – это было прекрасным местом для лосей и оленей. Мы прошли по краю пруда и дошли до поросшей ивами болотистой низины, и обнаружили там множество следов – не только лосей и оленей, но и бизонов и даже медведя. Пройдя по одному из следов, ведущих вглубь болота, я наткнулся на следы медведя, которые были вдвое больше моих следов. Я указал на них и спросил Голубку, не боится ли они идти дальше. Она вздрогнула и ответила:

– Конечно, мне страшно. Но ты ведешь меня, и я пойду за тобой!

Я не очень боялся. Действительно, иногда гризли нападают на охотников без повода, но обычно они убегают, увидев человека или учуяв его запах. Я отдал девушке свое ружье, достал лук, вытащил из колчана несколько стрел и пошел дальше. Если добыча была близко, то лук со стрелами был не хуже ружья.

– Держись рядом со мной и будь готова дать мне ружье, когда оно мне понадобится, – сказал я девушке.

Скоро тропа раздвоилась. Огромные следы медведя пошли по левой вилке. Мне не стыдно сказать, что я с облегчением пошел по правой. Мы прошли совсем немного, когда впереди я увидел, что ивы впереди дрожат. Я резко остановился, приготовил лук, и тут в поле моего зрения появился лось, самец, я видел только его голову и верхнюю часть спины, возвы-

шавшуюся над кустами красной ивы, росшими между двумя рощами высоких черных ив. Лось остановился там и начал щипать нежные побеги красной ивы. Я решил, что мой единственный шанс – выстрелить в него прямо сейчас, потому что лось меня уже заметил. Я прицелился и выпустил стрелу так, чтобы она прошла сквозь кусты и поразила лося ниже и сзади плеча, и спустил тетиву. Я видел, что лось вздрогнул, и знал, что попал в него. Прежде, чем я наложил следующую стрелу, он исчез, побежав от меня. Мы побежали через заросли, нашли его след и пошли по нему. Крови было мало – несколько капель то тут то там, и я решил, что ранил его легко и второй раз выстрелить не смогу. Он шел к реке, потом рядом со звериной тропой, и продолжал идти так же быстро, как можно было судить по его следам. Через некоторое время следы крови исчезли, и я оставил преследование, хотя Голубка, все еще очень взволнованная, убеждала меня продолжать. Я указал на крутой холм, куда он свернул с тропы.

– Мы впустую потратим день, если пойдем за ним. То, что он взобрался по такому крутому склону, говорит о том, что его рана совсем небольшая, – сказал я ей.

Сейчас мы были совсем рядом с водопадом между двумя этими озерами и могли ясно слышать его рев. Я раньше уже был так близко к водопаду, что мог слышать шум воды, но воочию никогда его не видел. Я слышал много рассказов об этом водопаде. Некоторые старики не советовали туда ходить, потому что там было жилище Подводных Людей. Я решил все же взглянуть на него и спросил Голубку, пойдет ли она со мной. Она сказала мне, чтобы я вел ее, а она пойдет за мной и всегда будет за моей спиной.

Мы продолжили свой путь через узкий канон, завернули за скалу и оказались перед высоким утесом, закрывавшим выход из каньона. С его вершины стекала небольшая струя воды, падавшая в глубокий пруд у его подножия. Основной поток вытекал из широкой темной пещеры, расположенной примерно на трети высоты утеса, и каскадом стекала в тот же пруд. Старики утверждали, что именно в этой пещере и жили Подводные Люди. С того места, где мы стояли, вода, падающая с вершины утеса, скрывала от нас левую часть пещеры. Но, когда я внимательно туда посмотрел, мне показалось, что я сквозь тучи брызг увидел, что по краю основного потока движется нечто, похожее формой на человека.

Глава II

Мы понимаем, как образовалась ужасная пещера

Возможно, мои глаза меня обманывали. Никакое живое существо, кроме, может быть, выдры, не смогло бы войти в пещеру, преодолев водный поток. Я оглянулся через левое плечо на Голубку, стоявшую за моей спиной. Она смотрела на водопад, от удивления открыв рот. Я снова посмотрел на водопад, пытаюсь разглядеть что-нибудь в темноте, скрытой брызгами от верхнего водопада, но смог увидеть только черную скалу и белую, пенящуюся воду. Я снова повернулся к Голубке. Она подняла руку и указала на темную пещеру; она что-то говорила, но я не мог услышать ее.

– Что ты говоришь? – крикнул я, придвинувшись к ней поближе.

– Разве ты сам это не видел? – крикнула она. – Там, за брызгами, был человек, он стоял на краю потока и скрылся в глубине пещеры, темной как ночь!

Она повернулась и побежала по скалистому берегу реки. Я снова посмотрел на водопад, потом погнался за ней и настиг ее уже за скалой. Я знаками сказал идти за мной, поднялся по стене каньона, потом отошел левее и присел позади можжевельного куста, откуда мог наблюдать водопад. Она сидела рядом.

– Ты уверена, что видела, что кто – то вошел в ту черную дыру в утесе? – спросил я.

– Так же как в том, что сижу здесь рядом с тобой, – ответила она.

– Хорошо, я подумал, что видел что-то там, темное, похожее формой на человека, но не был в этом уверен. Даже теперь я сомневаюсь, что кто-то может туда войти, – сказал я ей.

– Подводные Люди могут пройти везде, где есть вода! – сказала она.

– Но они не ходят, они плавают. Во всех рассказах о них, которые я слышал, не было никакого упоминания о том, что они ходят по земле или даже вылезают из воды, – возразил я.

– Это не доказывает того, что они не могут ходить. Говори что хочешь, а я знаю то, что знаю. Я видела одного из Подводных Людей, который прошел в пещеру в утесе.

– Ладно, не будем об этом спорить. Мы посидим здесь и посмотрим, не выйдет ли этот человек наружу, – сказал я ей.

– Я не сказала тебе всего, что я заметила; на этом Подводном Человеке была ярко-красная кожаная накидка, – сказала она.

Я не ответил. Я не знал, что думать; в моей голове все перепуталось. Всплеск в нижней части пруда насторожил нас.

– Вот Подводный человек! прошептала девушка мне на ухо.

Я отложил лук и стрелы и взял у нее ружье. Наши воины никогда не убивали и не пытались ни убить одного из этих Подводных Людей. Было возможно, что их магия делала их тела неуязвимыми от нашего оружия. Но я был настроен сделать все возможное, чтобы убить его, когда он вновь появится. Я поднял оружие, убедился в том, что на полке достаточно пороха и стал следить за прудом. Внезапно в центре пруда вода вспучилась и образовался водоворот.

– Смотри! Это он там плавает! Он скоро появится, – сказала девушка.

Она не успела договорить, когда большая выдра, вынырнув из глубины с зажатой в пасти форелью, подплыла к скале, поднимавшейся из воды, и поднялась на нее. Там она выпустила трепыхавшуюся форель, только для того, чтобы схватить ее за голову и умертвить ее, а потом посмотрела на росшие на берегу кустарники. Мы не слышали сигнала, который она подала, но из кустов вылезли сразу три молодые выдры и поплыли к скале, и когда они были рядом, старая скользнула в воду и поплыла по течению, скрывшись за поворотом с наших глаз.

– Ну, почти-сестра, вот наш Подводный Человек, – сказал я и отдал ей ружье, взяв свой лук.

– Нет! – закричала она. – Конечно, в водоеме плескалась выдра, но я так же ясно, как сейчас тебя, видела одетого в красное человека, который скрылся в отверстии утеса!

Я все же думал, что она ошиблась. Но не видел ли я сам человеческую фигуру за облаком брызг от верхнего водопада?

– Я тебе верю, – сказал я ей. – Но мы должны идти: нам нужно накормить много голодных ртов. Как только мы привезем в лагерь мясо, снова приедем сюда и будем наблюдать за Подводным человеком.

Мы поднялись из каньона, пересекли большую тропу и по склону хребта направились к нашим лошадям. Следов дичи было множество, как и в ивовом болоте, и я скоро увидел подходящую добычу – двух бизонов, пасущихся на травянистой поляне среди леса. пробираясь от одного куста к другому, иногда ползя на четвереньках, мы пробрались до границы поляны, не потревожив их. Они медленно двигались через поляну, видимо направляясь к воде; поэтому мы спрятались за большим деревом и ждали, когда они приблизятся. Я скоро понял, что они пройдут так близко от меня, что я смогу их коснуться, и решил, что смогу убить обоих. Я дождался, когда первый бык окажется в двух-трех шагах от меня, а потом послал в него стрелу, прицелившись позади и ниже ребер. Это было наверняка, я это знал. Я больше не обращал на него внимания. Я наложил на тетиву следующую стрелу, и в тот момент, когда я выстрелил, Голубка выстрелила в него из моего ружья, и он упал с пробитым сердцем.

– Я убила его! Я убила его! – кричала она, выбежав из-за дерева и танцуя вокруг убитого бизона.

– Тебе не следовало этого делать. Я очень недоволен! Звук выстрела может достичь ушей врагов! – сказал я.

– Почти-брат, не сердись! – умоляла она. – Все равно ничего уже не исправить. Я всю жизнь хотела убить бизона. И когда я, держа в руках ружье, увидела бизона так близко, мне показалось, что ружье само, без моей помощи, прыгнуло к моему плечу!

– И без сомнения само прицелилось и спустило курок! – сказал я.

И мы рассмеялись. Я не мог сердиться на нее и не давать ей радоваться. Она так волновалась, что ее трясло. Я взял у нее ружье, перезарядил его, и затем мы добились сначала ее быка, а потом моего. Животные были такими жирными, что мы срезали все их мясо и упаковали для перевозки. Потом мы привели лошадей, нагрузили на них столько, сколько они могли увезти, и повели их в лагерь через хребет.

Все женщины работали на пожарище, готовя землю к священному посеву. Мой отец и Старое Солнце курили священную трубку. Ничего не говоря, мы побыстрее разгрузили наших лошадей и оправились назад, чтобы привезти еще мяса. Так мы сделали четыре поездки, и каждый раз привозили столько мяса, сколько могли унести лошади. Когда мы сделали последнюю поездку, солнце уже садилось, а мы сильно устали.

После ужина, когда все жители нашего маленького лагеря собрались в вигваме моего отца, чтобы провести время, мы с Голубкой рассказали о своих приключениях. Все слушали очень внимательно и часто издавали восклицания удивления, а мой отец и Старое Солнце подробно расспросили нас и заставили много раз описать много раз все, что мы видели у водопадов.

Старое Солнце, когда мы закончили, сказал:

– Мы знаем, что в отверстии в утесе, из которого вытекает река, живут Подводные Люди. От наших первых отцов передается нам рассказ о том, что сначала никакого утеса там не было. Когда Старик создал мир, он сделал там прямую, гладкую, глубокую долину, которая начиналась от горных вершин и шла через всю равнину. Разумеется, сначала он создал горы. Но иногда он в своей работе допускал небрежность. Вот здесь, справа от долины, он сделал высокую, стройную гору и не смог прямо ее поставить: она наклонилась на юг, а после того, как он сделал долину, она упала, создав перегородившую ее скальную стену. Выше, среди больших камней, которые заполнили долину, река пропадала и снова появлялась из темного отверстия в стене. Когда Старик вернулся на это место и увидел, что получилось, он проклял себя. Он сказал:

– Я должен был быть более аккуратным. Если бы я установил эту гору прямо, как остальные, то она бы не упала. Из-за спешки мне придется делать лишнюю работу. Теперь я должен очистить долину от всех этих камней, которые завалили ее.

Но потом он увидел, что упавшая гора не остановила течения реки; увидел, что ее вода течет из странного, темного отверстия в стене скалы.

– ‘Ха! Лучше что я оставлю этот водопад, как есть, – сказал он. – Это отверстие в скале и глубокий пруд под ней будут хорошим домом для некоторых из моих Подводных Людей.

И с этими словами он повернулся и пошел делать другую работу, создавать мир дальше.

– Старик, как вы помните, уже сделал Подводных Людей, и дал им воду, в которой они живут, и водных животных, чтобы у них была пища. Он не делал наших предков, пока не закончил создавать мир. И при этом он не желал, я в этом уверен, чтобы Подводные Люди и мы были врагами. Но мы все же враги – о, скольких из нас они захватили и предали смерти в глубинах рек – так что, дети мои, вы должны держаться подальше от этой речной пещеры.

– Я не могу считать, что тот, кого мы видели, был Подводный Человек, – сказал я. – Я заметил только чей-то темный контур за брызгами водопада, но почти-сестра, которая была с левой стороны от меня, говорит, что она видела его явно, и что он носил накидку красного цвета. Но мне кажется невозможным, чтобы Подводный Человек носил одежду. Он не мог бы в ней плавать, а от холода мокрая одежда не защищает.

– Сын мой, – ответил мне отец, – с обитателями глубоких вод все возможно. Ты забыл, что рассказал наш предок, который посетил их давным-давно. Внизу, у самой реки, они жили в теплых, удобных вигвамах и носили красивую одежду из меха и кожи. Что было еще более странно – они угостили его красной, созревшей на солнце земляникой. Почему же сейчас нельзя увидеть одного из них, носящего красную накидку, даже если он вышел в ней из воды?

Я не мог ничего на это ответить. Старики продолжили говорить. Женщины болтали друг с другом. Было уже поздно, когда наши гости разошлись по своим вигвамам, а мы легли на свои лежанки. Я долго не мог уснуть. Чем больше я думал об этом, тем более убеждался в том, что тот, кого мы видели, не был никаким Подводным Человеком. Я решил, что это был обитатель суши. Может быть, нашим соплеменником, может быть, что еще более вероятно, кем-то из представителей западных племен, с которыми мы были в состоянии войны. Я решил, что снова и снова буду ходить к водопадам, чтобы выследить обитателя темной речной пещеры.

Следующим утром женщины должны были порезать мясо бизонов на тонкие листы, чтобы высушить их до того, как возобновить работу на поле. Как только мы позавтракали, я напоил лошадей, привязал их там, где росла свежая трава, повесил на плечо колчан, взял ружье и вышел из лагеря. Когда я проходил мимо моего отца и Старого Солнца, которые сидели на солнце, курили и разговаривали, они взглянули на меня и Старое Солнце спросил, куда я иду.

– Да просто так, на разведку, посмотреть, нет ли рядом вражеских следов, – ответил я.

– Только не приближайся к пещере Подводных Людей! – приказал отец, и я на это ничего не ответил. Когда я проходил мимо женщин, которые резали мясо, Голубка глянула на меня и знаком показала, что хочет пойти со мной.

– Нет! Я пойду один, – знаками сказал я ей и вдоль склона хребта. Но отойдя настолько, чтобы из лагеря меня нельзя было увидеть, я свернул к водопадам, следуя тем же путем, которым мы с Голубкой накануне привозили мясо. Когда я приблизился к тому месту, где мы убили бизонов, я замедлил шаг, думая, что увижу волков, которые пируют на остатках нашей добычи. Я не собирался их убивать, но мне хотелось на них посмотреть – самых мудрых, как я считал, четвероногих охотников, живших в наших горах и равнинах. Подойдя совсем близко к поляне, я опустился на четвереньки и пополз сквозь траву и кусты, и скоро услышал громкий хруст костей, кланье челюстей и громкое чавканье.

– Это волки, – сказал я себе; доедают оставленные нами мясо и кости, и обрадовался, что сейчас подберусь к краю поляны и посмотрю на них.

Я был всего в нескольких шагах от края поляны, но не мог видеть ее сквозь густой кустарник. Я полз еще медленнее, стараясь не шуметь, и наконец смог выглянуть из зарослей красной ивы и похолодел от страха, увидев там огромного медведя, который обгладывал скелет и голову одного из убитых нами бизонов. Голова и скелет другого бизона были рядом; он притащил их к краю поляны, чтобы устроить свой пир. Это был самый большой медведь, которого я когда-либо видел – несомненно, это он оставил следы, по которым мы вчера шли. Я не знал, что делать. Я хотел убить его; мне нужны были его огромные когти для ожерелья. Но какой это был ужасный риск – ведь мой единственный выстрел мог не убить его наповал! Я вспомнил о нескольких охотниках, убитых медведями. кончилось тем, что я отполз назад, оставив медведя за его пиршеством, потом назвал сам себя трусом и вернулся к красным ивам.

Стараясь не шуметь, я поднял ружье и проверил полку; на ней было достаточно пороха. Я медленно поднялся на колени и поднял ружье, чтобы прицелиться, когда медведь внезапно поднял голову и посмотрел на край поляны; его шерсть поднялась дыбом и он два или три раза сердито фыркнул. Я посмотрел в том направлении и увидел большого

медведя, выходящего на поляну из кустов и направляющегося к первому. Тот снова посмотрел на вновь пришедшего, все еще сердито ворча и фыркая, и вдруг я увидел, что он притих, его шерсть улеглась, и он возобновил свое пиршество. Я снова посмотрел на край поляны и увидел, как три медвежонка вылезают из кустов. Мне все стало ясно: вновь прибыв-

шая медведица была его женой, но он не признал ее, пока не появились детеныши, и тогда успокоился. Она была желанной гостьей на его пиру.

– Мне здесь не место, – сказал я себе. – Можно рискнуть, выстрелив в одного медведя, но два....

Я отошел в лес и был рад, когда смог подняться на ноги и был уверен, что никто меня не преследует.

Но теперь, продолжая путь к водопаду, я начал сомневаться в себе и задался вопросом – а не трус ли я? Я не хотел быть трусом; это было то, что я более всего ненавидел. Я успокоил себя тем, что нужно найти способ получить ку на большом медведе, и начал планировать, как это можно сделать.

Сейчас я не искал добычу, но, пробираясь через лес, видел множество животных – на склоне хребта паслись лоси и олени, у края болота в верхней части бобрового пруда – тоже лоси, самка и годовалый самец. Бобры, плававшие среди хаток, напомнили мне о том, что я забыл захватить ловушки.

Миновав болото и пройдя вверх по реке, я вошел в узкий каньон, и рядом со скалой поднялся по крутому склону, нашел укрытие в зарослях можжевельника и посмотрел вниз на водопад; никого я там не увидел и почувствовал себя несколько разочарованным. Я поудобнее расположился на твердой скале, намереваясь остаться тут и наблюдать за водопадом до самой темноты.

Солнце перемещалось по небосклону и скоро стало совсем тепло. меня стало клонить в сон; время от времени я ненадолго засыпал. Я чувствовал, что хочу спать, но заставлял себя открывать глаза и снова наблюдать за водопадом. Когда солнце перешло зенит, я снова задремал, и вдруг почувствовал, что кто-то схватил меня за лодыжку. Я вскрикнул и схватил ружье, но вместо ожидаемого врага увидел смеющееся лицо Голубки!

– О, как я тебя напугала! – сказала она.

– Да уж, – сердито ответил я. – Ты не должна была так делать! Вдруг я бы выстрелил в тебя раньше, чем понял, что это ты! Никогда больше так не делай!

– Нет! Никогда! Никогда, почти-брат. О, не сердись на меня! – умоляла она. И когда я увидел слезы в ее глазах, мне стало стыдно, что я ее отругал, и еще более стыдно оттого, что я уснул, хотя должен был наблюдать за пещерой.

– Не плач! Я не сержусь. Мне тебя жаль. Представляю, что тебя ждет, когда мы вечером вернемся в лагерь. Ведь ты убежала из лагеря, – сказал я ей.

– Ты за меня заступишься. Ты из уговоришь, – сказала она и я понял, что так и будет.

– Каким путем ты пришла – тем, что мы вчера возили мясо? – спросил я.

– Нет. Я не хотела идти мимо болот и бобрового пруда. Я прошла прямо из лагеря по хребту, и затем спустилась с холма к устью каньона, – объяснила она.

– Боги направили твои шаги! – сказал я. – Я пошел по тропе к нашей добыче, услышал хруст костей на поляне, опустился на четвереньки и пробрался к ее краю, и увидел не волков, как ожидал, но большого медведя, его жену и троих детенышей.

– И что ты тогда сделал? – прошептала она, уставившись на меня широко открытыми испуганными глазами.

– Поступил как трус! Старый медведь обгладывал скелет и голову одного из быков, которых он уволок на поляну. Его жена и дети приближались к нему. Я как можно тише уполз оттуда. Почти-сестра, если бы ты оказалась там, тебя бы разорвали на куски. Ты же знаешь, как медведица защищают своих детей!

Голубка задрожала.

– Я едва туда не пошла! Боги, должно быть, увели меня с тропы, – сказала она так тихо, что я едва ее расслышал. И добавила: – Почему ты назвал себя трусом? Ты же хорошо знаешь, что ни один охотник из наших трех племен не напал бы на большого медведя и его жену!

– Мы не ничего о них не скажем, когда вернемся в лагерь. Я хочу убить этого медведя прежде, чем мы уйдем из этой долины. Мне нужны его когти для ожерелья, – сказал я ей. – Но первое, что я сделаю сегодня вечером, – продолжал я, – скажу моему отцу, что я намереваюсь наблюдать за этим местом, пока не узнаю, живет ли кто-нибудь в пещере за водопадами, т что ты должна наблюдать вместе со мной!

– Да, сделай так! – сказала она. – Я очень не хочу тайком уходить из лагеря; мысль о выговоре, который я получу после возвращения, портит мне все удовольствие.

Некоторое время мы молчали. Я вернулся, чтобы продолжать наблюдать за водопадом, а девушка сидела около меня. Я снял свой колчан, когда ложился, и она вытащила лук и несколько стрел и держала их на коленях. Она очень любила оружие.

Солнце продолжало свой путь к западу. Мы сидели тихо и неподвижно. По долине потянул теплый ветер, напоенный запахами соснового бора и цветов, которые цветут в начале лета. . Водопад продолжал свою песню – его голос то становился тихим и ласковым, то громким и угрожающим.

У берега, где течение было слабее, плавала утка – остроклювый нырок со своим выводком. они заплыли в пруд под водопадом и плавали вокруг него, мать иногда ныряла, пытаясь поймать форель, но чаще доставала что-то мелкое из щелей между камнями у самого берега. Добыча ее была очень мелкой, мы не могли ее разглядеть, видели только, как птенцы сустились вокруг нее и выхватывали что-то у нее из клюва.

Один из птенцов, более предприимчивый чем другие, внезапно оставил мать и поплыл, раскачиваясь, к центру пруда, возможно увидев форель или водяного жука. Потом он потерял добычу из вида и остановился, забил крыльями по воде, вытянул шею и закричал, зовя на помощь, потому что что-то, что мы не видели, стало тянуть его. Мы криков не слышали, нам мешал шум водопада, но мать услышала его и поспешила на помощь, но не проплыла и полпути, как птенец пропал, и всего несколько пузырей показывали место, где он только что был.

– Подводный человек! Это он схватил утку! Мы увидим его! – прошептала Голубка, низко наклонившись ко мне.

Я думал так же, но не сказал ничего и продолжал смотреть на водоем. Утка-мать вертелась, пытаясь отыскать своего пропавшего птенца. Молодняк, напуганный, старался держаться рядом с ней. Потом на другом берегу пруда поверхность воды взбурлила и на берег вылезла большая выдра с мертвым утенком во рту. Она положила его на плоский камень, обернулась и снова нырнула в пруд, а утка с выводком поплыла вниз по течению реки. Скоро выдра подняла голову над водой, увидела, что все уплыли, вернулась к берегу, взяла мертвого утенка и уплыла с ним вниз по реке.

– О, как я расстроилась! Я была уверена, что утенка схватил Подводный Человек, и что мы должны его увидеть! – сказала Голубка.

– Смелее! – сказал я ей. Это было все, что я мог сказать. Я тоже был ужасно разочарован.

Несколько раз в течение дня другие выдры разного размера подходили к пруду, ловили большую форель и уносили ее. Под большими камнями, которых много было по берегу пруда, для них было готовое убежище, хорошее, сухое, где они могли устроить свое жилище и вырастить потомство. Я задал себе вопрос – а почему они там не живут? Ответ был прост: они боялись жить так близко к обитателю темной речной пещеры!

Наше время подходило к концу. Солнце собиралось опуститься за горы, Голубка видела это и убедила меня вернуться. Я понял, чего она боится, и сам не хотел рисковать, встретившись с большим медведем и его женой в ночном лесу.

– Да, мы пойдем в лагерь, – сказал я ей, – но сначала мы спустимся к пруду и изучим его берега.

Она ничего на это не ответила, но я видел, как она дрожит, следуя за мной. Я шел впереди, сначала спустившись за скалой к берегу реки, а потом вдоль него к водопадам. там не было

пляжа, голая крутая скала каньона опускалась прямо в воду. Мы с некоторыми трудностями прошли по ней, и наконец вышли на маленький песчаный пляж, заросший кустарником, у самого пруда. И там, на этой узкой песчаной полоске, мы нашли следы босых ног! Голубка, увидев их, рванулась назад и схватила меня за руку, и мы долго стояли, уставившись на них и на реку, падающую вниз в клочьях белой пены из отверстия в утесе, скрытом от нас разносимыми ветром брызгами падающей сверху воды.

Глава III

Мы получаем разрешение наблюдать за ужасной пещерой

Если я сомневался в том, что мы действительно видели, как Подводный Человек поднялся в темную пещеру, то теперь мои сомнения развеялись. Были его следы на песке, свежие, простые отпечатки ног, не больше моих и от них ничем не отличавшиеся. Я был весьма удивлен тем, что они ничем не отличались.

– Почти-брат, я боюсь! Уйдем отсюда! – шепнула мне на ухо Голубка.

Я развернулся и повел ее назад. Я и сам не хотел находиться так близко к черной дыре. Возможно, Подводный Человек смотрел на нас из темноты. Мы не знали, что он, сильный и злой бог воды, мог бы нам сделать, если бы нас увидел. Когда мы заворачивали за скалу, я остановил голубку и обернулся, чтобы бросит последний взгляд на водопад; в поле зрения никого не было. Я надеялся, что мы остались незамеченными.

По пути домой мы далеко обошли место, где лежали убитые нами бизоны, чтобы не встретиться с медвежьей семьей, и вернулись в лагерь, когда западный небосклон еще не совсем потемнел.

Старая Краснокрылая стояла перед своим вигвамом, и, едва увидев нас, подбежала к Голубке, схватила ее за руки и стала трясти.

– Плохая девчонка! Ленивая девчонка! – кричала она. – Ты убегаешь, чтобы не работать! Погоди, я сейчас возьму палку и побью тебя, ты это заслужила!

– Нет, нет! Не делай этого, почти-бабушка, – сказал я, влезая между ней и девушкой. – Ты хорошо знаешь, что она не плохая и не ленивая. Пойдем с нами к вигваму моего отца. Когда ты слышите о большом открытии, которое мы сделали, то будешь радоваться тому, что она оставила свою работу и последовала за мной.

– О! Большое открытие! Бесполезная, ленивая прогулка, я в этом уверена! – кричала она, но все же последовала за нами, что-то про себя бормоча.

Когда мы вошли внутрь, то нашли там Старое Солнце и его семью. Мой отец и он не обратили на нас внимания; моя мать поставила перед нами обильное угощение и продолжала беседовать с другими женщинами. Мы спокойно поели, и когда насытились, я удобно расположился на своей лежанке и сказал:

– Так вот, отец и Старое Солнце, слушайте! Мы снова дошли до пруда у подножия утеса с пещерой, и там на песке нашли свежие следы Подводного Человека.

– Ха! – воскликнули мужчины. Женщины затаили дыхание. Все уставились на меня.

– Я же ясно сказал вам больше туда не ходить! – едва не крикнул отец.

– Но я же не обещал не ходить, – напомнил я ему. – Я должен был пойти, и я говорю вам – я пойду туда снова и снова, пока не увижу Подводного Человека и не попробую посчитать на него свой ку!

– Нет, нет, друг мой, – сказал Старое Солнце моему отцу, прерывая следующую вспышку его гнева. – Успокойся. Давай послушаем мальчика. – И, обратясь ко мне, продолжил: – Черный Лось, сын мой, говори. Расскажи нам о том, как прошел твой день.

Говорить мне было особо нечего. Я сказал, что следы, которые мы нашли на песке, ни размером ни формой не отличались от моих. Я упомянул, что много выдр поднимались вверх по течению реки, чтобы ловить рыбу в пруду, куда падает водопад, но что они, казалось, боятся этого места и сразу уходят оттуда со своей добычей. О медведях, которых я увидел, я говорить не стал.

– Ну, то что ты видел – свежие следы и особенно поведение выдр – очень интересно. Для меня это – достаточное доказательство того, что в этой пещере живет Подводный Человек, – сказал Старое Солнце.

– И хорошо если он один, а скорее всего их там больше, наверное семья или даже целый клан, – крикнул отец. – И они обладают сильной магией; даже представить невозможно, насколько сильной она может быть. Черный Лось, сын мой, я не могу позволить тебе часто посещать это место!

– Но они – жители воды. Только в воде они могут убить их или попытаться убить кого-то из обитателей земли. Мой друг, будь разумен. Позволь своему сыну продолжать наблюдать за ними в пруду. Они не могут выйти на землю, чтобы напасть на него. Только подумай, какой большой *ку* он сможет посчитать, убив одного из них!

Так ответил Старое Солнце моему отцу.

И он надолго замолчал, погружившись в тяжелые раздумья. Представьте себе, как я ждал его ответа, и Голубка, сидевшая рядом, тоже ждала вместе со мной. Она ухватила меня за руку и смотрела на него. И наконец он сказал:

– Ты верно сказал, мой друг Старое Солнце, что Подводные Люди убили всех наших людей, когда те были в воде. сделали все их убийство наших людей в воде. Более того, до этого дня, когда наши молодые люди увидели их следы, никто не видел их следов на берегах рек и озер, в которых они живут. Со старостью сердце постепенно теряет храбрость. Может быть, я слишком робок, слишком осторожен. Хорошо, хоть я и очень боюсь позволять ему делать это, юноша должен идти своим путем, а я и ты должны молиться богам о его безопасности.

– Он переживет все опасности. И моя магия говорит мне, что он сделает себе большое имя! – воскликнул Старое Солнце.

– И Голубка, я хочу, чтобы она пошла со мной. Других товарищей у меня нет, а вы знаете, что четыре глаза и четыре уха лучше, чем два, – сказал я, глядя через весь вигвам на Краснокрылую.

– Юноша, не надо так сердить на меня смотреть, – огрызнулась она. – Если твоей отец может позволить тебе продолжать наблюдать за злыми Подводными Людьми, то и я могу рискнуть моей девочкой и отпустить ее с тобой!

– О, хорошо, хорошо! О, какая ты добрая! О, бабушка, как я тебя люблю! – воскликнула Голубка.

– Ха! Вы хочешь сказать, что рада убежать от домашней работы! – прорычала старуха. Но ее глаза были мягки и полны любви, когда она смотрела на девушку. А голубка вскочила с лежанки, обежала вокруг очага, встала на колени около старухи, обняла и поцеловала ее.

– Завтра мы снова будем наблюдать за Подводным Человеком, – сказал я.

– О, нет! Завтра мы сеем священные семена; нам нужна ваша помощь! – ответил мой отец. И конечно, я с радостью согласился.

Утро великого дня было безоблачным. Мы очень рано позавтракали и к тому времени, когда закончили есть, Старое Солнце, его семья, Краснокрылая и Голубка пришли в наш вигвам. Мой отец должен был провести церемонии перед посадкой священных семян, потому что его магия была магией Бобра. Потом, когда пройдет первая весенняя гроза, Старое Солнце развернул бы свою магию Грома, и мы помогли бы ему молиться о дождях, чтобы молодая поросль хорошо росла.

Очень древней была магия Бобра. В том давно ушедшем времени, когда люди и животные могли говорить друг с другом, а животные могли принимать облик человека и снова превращаться в животное по своему желанию, молодой человек по имени Пятнистая Накидка оставил лагерь и пустился в путь, чтобы найти сильную магию. Он шел мимо пещеры, которая была в утесе рядом с речным берегом, когда услышал необычное и красивое пение, доносившееся оттуда. Он повернулся и вошел в пещеру, и увидел, что это было жилище бобров. Оно было

красиво обставлено, с мягкими лежанками, накрытыми мехом, а на его стенах висели богатые одежды, непривычного вида и очень красивые. В задней части пещеры сидел очень большой, совершенно белый бобер, и по обеим сторонам от него, на своих лежанках, сидели его жены и дети; они не были белыми, их цвет был обычным для бобров.

Когда Пятнистая Накидка появился у входа в пещеру, белый бобер посмотрел на него и сказал:

– Юноша, я знаю, почему ты пустился в путь и что ищешь; войди сюда и оставайся с нами. Я помогу Вам тебе.

Не без страха Пятнистая Накидка принял это предложение. Но семья бобра, старики и молодежь, была так явно рада его присутствию, что его опасения скоро исчезли, и он оставался с ними всю зиму. Старый белый бобер был очень близок к Солнцу, творцу дней, Луне, его жене, Утренней Звезде, их сыну, и Старику, творцу мира. Поскольку они любили его, они дали ему большие знания и самую мощную магию.

Пятнистая Накидка еще недолго жил в пещере, когда белый бобер однажды вечером сказал ему:

– Ну, сын мой, я вижу, что у тебя хороший характер, честный, храбрый и добросердечный, поэтому я научу тебя моей магии.

И он всю зиму его учил – как нужно молиться богам, священным песням и танцам и другим магическим церемониям. И наконец, когда настала весна, и молодой человек в совершенстве всем этим овладел и собрался уйти обратно к своим людям, ему дали талисман – короткую березовую палочку, отгрызенную бобром, и мешочек с семенами священного для бобров растения, нах-уак-о-сис, высушенными и раскрошенными листьями которого нужно было набивать трубку и курить ее, вознося молитвы богам.

– Я рассказал тебе, как сеять эти семена, – сказал белый бобер, – и как правильно молиться, и какие проводить церемонии. Убедись в том, что следовал всем моим указаниям, иначе семена не вырастут и не дадут хороших листьев, а без них молитва к богам не принесут никакой пользы.

Пятнистая Накидка плакал, расставаясь со своими друзьями-бобрами. Он принес домой священные талисманы, посеял священные семена, как было ему сказано, и получил прекрасный урожай листьев. Он женился, прожил долгую жизнь и перед смертью передал все свои знания и талисманы одному из сыновей. И так все это переходило от отца к сыну на протяжении сотен зим, и теперь перешло к моему отцу. Все эти долгие годы его магия была очень сильна и приносила успех тем, кто пошел в поход и здоровье больным, и вот теперь она его подвела. И почему? Потому что он не следовал указаниям старого белого бобра! Мы все были уверены в том, что, когда мы снова начнем использовать нах-уак-о-сис, его магическая сила к нему вернется.

Когда все собрались в нашем вигваме, отец сказал:

– Земля готова, и Солнце согрело ее. Давайте помолимся богам, попросим их помощи и будем сажать священные семена!

Моя мать сидела слева от него, Старое Солнце рядом с нею, дальше были его женщины и дети. Я сидел справа от отца; рядом со мной сидела Краснокрылая, за ней моя почти-сестра, дальше мои почти-матери и их дети.

Священный талисман, завернутый в четыре шкуры – бобра, выдры, гагары, и лебедя – всех обитателей воды – висел на вигвамном шесте над лежанкой моего отца. Мать сняла его и положила перед собой на землю. Отец выкрашенными в красный цвет ивовыми палочками вытащил из очага несколько угольков и положил на них немного высушенной сладкой травы, и они с матерью протерли руки в поднявшемся над ней ароматном дыму, и несколько раз, набрав дым в горсти, проводили ими по телу, чтобы очистить себя перед тем, как начать пользоваться священными талисманами. Когда они проделали все это, моя мать развязала завязки,

и они затянули первую из четырех водных песен, песню бобра, во время пения которой водили руками по обертке, разворачивая ее; в конце песни мать полностью развернула первую обертку, хорошо выделанную шкуру бобра. Так же были спеты песни выдры, гагары и лебедя и, когда была снята последняя обертка из кожи лебедя, талисман предстал нашим глазам. Первым из предметов был длинный чубук для трубки, украшенный полосками из меха всех водных животных, с него свисали перья разных водных птиц. В его верхней части была привязана набитая кожа водяной ящерицы. Рядом с чубуком лежал березовый сучок, который дал Пятнистой Накидке древний бобер, и еще три отгрызенных бобром палочки.

Мой отец сперва наполнил большую каменную чашу трубки нах-уак-о-сис. Потом он торжественно поднял священный чубук, присоединил к нему чашу и зажег священный табак угольком из очага, затянулся и выдохнул дым к небу и к земле, потом указал чубуком на все четыре стороны света и начал молиться:

– Слушай, о Солнце! Слушайте, все Верхние Люди! Будьте милостивы к нам! Слушай, Земля, наша мать! Пожалей нас! Слушай, древний бобер, ты, кто дал нам эту магию. Помогите нам и попросите богов нам помочь. Мы собираемся посадить семена священного нах-уак-о-сис, вашего священного растения, и просим помочь нам, пусть семена эти вырастут и дадут добрый урожай. Защитите всходы от саранчи и других пожирателей листьев и отгоните от этого места наших врагов. Мы курим, обращаясь к вам, боги неба, воздуха, земли и воды. Мужчины, женщины, дети, те кто здесь и все члены наших трех племен, о, пожалейте всех нас! Дайте нам всем длинную жизнь, здоровье и счастье!

Он закончил, и все мы выкрикнули:

– Да! Пожалейте нас, древний бобер и все вы, сильные боги!

Обеими руками взяв чубук, отец передал трубку Старому Солнцу, который обеими руками взял ее, как могут делать только шаманы; остальные могут брать и отдавать трубку только одной рукой. Старое Солнце выдохнул дым так же, как это сделал мой отец, и тоже произнес молитву, как и отец, с тем исключением, что он молился своему покровителю, Гром-Птице. Потом мой отец получил трубку назад и передал ее мне, и я сделал несколько затяжек, попросил богов, чтобы они были добры к нам и вернул ее. и так она ходила по кругу между нами тремя, пока не была докурена.

– Я чувствую, что богам понравился дым, который мы дали им, – сказал мой отец, – и они вернули нам свое покровительство. Продолжим! Споем песню старого бобра!

Вслед за этим он вручил моей матери обгрызенную березовую палочку, главной жене Старого Солнца, Северной Женщине, Краснокрылой и моей почти-матери, Бегущей Женщине, он дал три палочки поменьше, они сели на колени, взяли палочки в рот и, прижав локти к бокам, свесили предплечья, изобразив, насколько это было возможно, сидящих бобров. Мой отец начал первую из песен бобра, которую все мы подтянули, а изображавшие бобров женщины слегка поднимали и опускали тела и руки, и кивали в такт песне, иногда вынимая палки изо рта и подражая жалобному крику, почти плачу, детеныша бобра. Некоторые песни были веселыми, другие медленными и грустными. Мы спели их все, все шестнадцать, и отдохнули.

Мой отец и Старое Солнце перед началом церемонии раскрасили себя, свои лица, руки и мокасины, охрой, священным цветом. Потом отец велел мне сесть перед ним и раскрасил меня, прося древнего бобра и всех богов оказать мне свое покровительство, потому что я должен был участвовать в посеве священного семени. Потом моя мать положила перед ним мешок с семенами, и он снова наполнил трубку, зажег ее и долго молился долго богам, чтобы они сделали семена сильными и из них выросли хорошие растения для нашей пользы. На этом церемония закончилась. Моя мать снова завернула талисманы, повесила их на место и каждый из мужчин – отец, Старое Солнце, и я – отсыпали в свой мешок по одной трети семян и вышли в поле с заостренными, выкрашенными в красный цвет палками. Женщины и дети уселись

восточной части поля. Мы трое пошли к юго-восточному углу поля и встали лицом к западу, я слева от отца, а

Старое Солнце справа от него, Мы затащили первую из четырех песен сеятеля, и каждый сделал острой палкой углубление в земле, бросил туда семя и засыпал его. потом мы сделали короткий шаг и посадили еще три семечка. Когда каждый посадил по четыре семени, первая песня закончилась. тогда мы спели вторую, во время пения которой каждый из нас посадил еще по четыре семени, каждое на расстоянии короткого шага от другого. И так продолжали мы сажать семена, идя взад и вперед, вправо и влево, по многу раз мы спели все четыре песни, иногда отдыхали. Когда мы отдыхали, женщины и старшие дети пели некоторые из наших песен, одна из них была такой:

Семена нах-уак-о-сис, растите! растите!

Тянитесь к свету.

Семена нах-уак-о-сис, растите! растите!

Превратитесь в большие красивые листья!

Саранча, остерегайся! не приходи на эту священную землю.

Солнце, сияй! Дождь, падай!,

Помогите этим семенам не погибнуть!

Песня женщин была очень красивой; это побуждало нас подтянуть эту песню и продолжить сажать семена. и так, работая и отдыхая, мы ходили по полю взад-вперед, по мягкой теплой земле, и, когда солнце уже было совсем низко на западной части небосклона, мы закончили работу и пошли по вигвамам, а женщины и дети пошли за нами.

Мы были примерно на полпути к нашему маленькому лагерю, когда оттуда раздался громopodobный рев боли и гнева, и через дверной проем, разрывая стены отцовского вигвама, из него выскочило знакомое мне семейство – старый медведь, его жена и дети. Именно старый медведь выскочил через дверной проем. Он остановился и сел, продолжая реветь, подняв левую переднюю лапу и облизывая ее. Нго рев ослабел и стал похож на хныканье, потом он снова заревел и пошел прочь, опираясь на три лапы, его жена и дети пошли за ним, и скоро они скрылись в кустах. Мы были очень рады, что не пришли раньше, потому что, идя сажать табак, оружия мы с собой не взяли, а даже если бы и взяли, без жертв с нашей стороны все равно бы не обошлось.

– Ха! Этот старый вор, липкий рот, обжег лапу в очаге! Пойдем, посмотрим, что осталось от нашего вигвама! Что мне делать, если он испортил мои талисманы! – закричал отец.

Мы побежали к вигваму, женщины и дети медленно и со страхом шли за нами, и вошли внутрь. Там был кошмар. Валялись наши перевернутые лежанки, остатки запасов вяленого мяса, сушеных ягод и рваные мешки с топленным жиром и пеммиканом, сверток со священными талисманами лежал на полу, но не был поврежден. Мой отец подскочил к нему, поднял и прижал к груди. Я посмотрел на очаг. Перед тем как уйти, мы присыпали горящие угли толстым слоем золы, чтобы по возвращении можно было раздуть их. Прямо в середине очага был отпечаток большой медвежьей лапы, над углями поднимался дым. Без сомнения, он сильно обжегся. Я сказал об этом моему отцу и Старому Солнцу, и мы посмеялись над тем, как это произошло – как это было для него больно и неожиданно. Но ты прекрасно можешь понять, что моя мать и почти-матери не смеялись, когда вошли и увидели, что натворили медведи. Они отругали нас за нашу беспечность, потом выгнали нас и вигвама и велели не заходить, пока они нас не позовут. Мы пошли в вигвам Старого Солнца, и его женщины дали нам поужинать. Медведи не вошли ни в его вигвам, ни в вигвам Краснокрылой.

– Друзья мои, это совсем не смешно, – сказал Старое Солнце, набив трубку и передав ее моему отцу, чтобы тот зажег ее. – Этот старый липкий рот скоро забудет свою неприятность, но

не забудет пир, который тут устроил. Даже если он этого места будет бояться, медведица уговорит его вернуться за мясом, жиром и ягодами, и когда он придет, некоторые из нас погибнут.

– Мы должны оставаться здесь, это единственное, что мы можем сделать, – сказал мой отец. – Днем надо за ними следить, а ночью мы должны по очереди охранять лагерь и быть готовыми разжечь очаг, как только часовой услышит об их приближении и поднимет тревогу.

– Да, так и надо поступить, – согласился Старое Солнце. – Но не сегодня ночью. Сейчас этот старый липкий рот лечит в прохладной грязи свою обожженную лапу и до его нового прихода пройдет некоторое время.

– Какой же он огромный! Я никогда таких больших не видел! Я думаю, что это он убил Летящего Лося на реке Обрывистых Берегов прошлым летом, – сказал мой отец.

– И я так думаю, – воскликнул другой. – И если это он, какие тогда шансы против него у нас троих? Вы помните, что было семь охотников с Летящим Лосем; все они выстрелили в липкий рот и ранили его, а он напал на них и убил беднягу, погнался за остальными и едва не убил двоих из них, а сам ушел почти невредимым!

Я слушал все это, но ничего не сказал. Прямо тогда я решил попытаться убить большого медведя. В этом деле я не мог просить, чтобы мой отец и Старое Солнце помогли мне; они были шаманами, и не могли бороться с медведем кроме как для самозащиты, потому что медведь был животным, обладавшим сильной магической силой, и его убийство могло лишить магической силы их самих.

Моего отца и меня наконец позвали домой – наш вигвам снова был в хорошем состоянии. Он не мог прикоснуться ни к какой пище, которую медведь трогал лапой или жевал; это могло сильно повредить его магической силе, поэтому еду ему дала Краснокрылая. Он сказал мне, что утром я должен снова пойти на охоту. Я ответил, что пойду, но чтобы Голубка пошла со мной, и попросил, чтобы он дал девушке свое ружье. Мне пришлось долго его уговаривать, прежде чем он согласился.

Мы оседлали двух своих лошадей и рано утром выехали из лагеря. Голубка ласкала и обнимала ружье моего отца, все время прицеливалась в камни и деревья и говорила: "Бах! Бах! Ты убит!"

– Успокойся! Держись за мной и веди себя тихо, и глаза держи открытыми, или возвращайся в лагерь и занимайся домашней работой! – пришлось мне ей сказать.

– Большой вождь, я всегда повинуюсь вам, – рассмеялась она и пристроилась за мной.

Мы от лагеря направились к вершине горного хребта, потом вниз по его гребню через сосновые и осиновые рощи, и нам открылись Великие равнины. Во всех направлениях, насколько мы могли видеть, они были черны от покрывавших их стад бизонов и антилоп, все животные спокойно паслись или отдыхали. Недалеко от нас было стадо из тридцати или сорока бизонов – коров и телят, годовалых и двухлеток, они спускались вниз по хребту, направляясь к скрытому ивовому рощей водоему. Я подождал, пока они не скрылись из вида, потом велел девушке оставаться на месте, а сам собрался пойти за стадом и убить нескольких животных из лука, который тоже захватил с собой.

– Но почему я, имея ружье, не должна им пользоваться? Я хочу пойти с тобой! – воскликнула она.

– Успокойся и делай, что я говорю. Держи мое ружье, – ответил я и протянул ей свое ружье. – Я выпросил у отца его ружье, чтобы ты к нему привыкла. Скоро я попрошу тебя кое-что сделать, что тебя сильно напугает.

– Говори, я не испугаюсь! Увидишь, что я сделаю все, что скажешь! Я думаю, что ты просто из вредности не хочешь взять меня с собой, сказала она, когда я поехал дальше, приготовил лук и достал из колчана несколько стрел.

Я подобрался к бизонам почти вплотную прежде, чем они меня заметили, и во время короткой погони убил годовалую корову и годовалого бычка, оба они были жирные, их мясо

было хорошим. Подошла Голубка, и я помог ей разделать животных, чтобы она побыстрее управилась, потому что у нас было еще одно дело, которое следовало сделать до захода солнца. В лагерь мы вернулись еще до полудня, привезя столько мяса, сколько могли унести наши лошади, и после короткого отдыха я позвал девушку, и мы отправились через хребет к бобровому пруду. Я полагал, что большой медведь и его семья пойдут к болоту рядом с прудом и останутся там, пока у медведя не заживет обожженная лапа. Я собирался убить лося или оленя рядом с болотом, а потом попробовать убить медведя, когда он придет попить.

Когда мы доехали до большой тропы, идущей к водоему, то увидели, что медвежья семья прошла там; их следы спутать было нельзя. Мы пошли по следам, не наступая на них, и нашли место, где медведи свернули к болоту, как я и предполагал. Мы вернулись назад, прошли через кусты и лес к краю пруда и выглянули. Похоже, сами боги в тот день вели нас: прямо к нам по краю воды шел лось, иногда останавливаясь, чтобы бросить взгляд поверх зарослей красной ивы и обнюхать ветер, дующий из нижней части долины. Я прислонил ружье к дереву и приготовил лук со стрелами. Он приближался, не ожидая никакой опасности, и, когда до него оставалось не более пятнадцати шагов, я выпустил стрелу, которая вонзилась в него прямо за плечом. Он зафыркал и развернулся, получил еще одну стрелу в другой бок, сделал несколько шагов по отмели и замертво упал на берег.

Глава IV

День с лесными животными

Мы не стали тратить много времени, лишь освеживали тушу и выпотрошили ее, чтобы мясо оказалось на воздухе и не так быстро испортилось; я вырезал язык и повесил его на дерево, жертвуя Солнцу и прося его помочь нам убить старого медведя. Даже если бы я искал специально, лучшего места для засады я найти бы не смог: недалеко от берега, в тридцати или сорока шагах, была большая бобровая хатка, и с ее крыши мы могли бы наблюдать за медведями, которые придут на запах мяса. Чтобы добраться до нее, не намочив ружье и одежду, нам нужно было сделать кожаную лодку. Я решил, что лосиной шкуры для этого будет достаточно, и поэтому мы сняли шкуру и отрезали по краям узкие полосы, чтобы использовать их в качестве ремней. Потом мы согнули из ивовых прутьев круглую раму, привязали к ней выгнутый каркас из тонких прутьев (получилось вроде большой чаши) и натянули на это лосиную кожу, привязав ее ремнями, заткнули две дырки от стрел, и все было готово. Потом я нашел длинный, легкий шест, чтобы было чем отталкиваться, мы положили ее на воду и сели в нее. Сразу стало понятно, что лодка совсем невелика; от ее борта до воды расстояние было не больше моей ладони. Нам нужно было спокойно в ней сидеть, не делать резких движений и двигаться медленно, иначе она бы затонула с нами вместе. Мы поплыли в ней к плотине, там привязали ее к кустам и, довольные тем, что успели сделать, поторопились домой, за хребет, потому что уже надвигалась ночь.

Мы не разжигали очагов днем, чтобы какой-нибудь вражеский отряд, осматривая страну с возвышенности, не увидел дыма. Когда мы прибыли в лагерь, женщины только начали разжигать очаги. Мы увидели, что Краснокрылая вошла в вигвам моего отца, поэтому Голубка вошла туда вместе со мной.

– Никогда я не был так голоден! Поджарь мне по меньшей мере три ребра и дай хороший кусок вяленого сала, – сказал я матери.

Она рассмеялась и сказала, что я могу получить и шесть жареных ребер, если захочу.

Мой отец послал за Старым Солнцем, чтобы тот присоединился к нашему ужину, и когда я вошел, а отец наполнил трубку и зажег ее, тот спросил, что сделали за день мы с Голубкой. Я ждал этого вопроса. Я подробно объяснил все, что мы сделали для того, чтобы покончить со старым медведем. Никто не прерывал меня, пока я говорил, но я видел, что то и дело мой отец и Старое Солнце неодобрительно покачивали головами. а Краснокрылую просто распирало от нетерпения высказать нам все, что она про нас думает. Едва я закончил свой рассказ, как она заорала:

– Медвежий Орел! Старое Солнце! Вы когда-нибудь слышали подобную ерунду? Этот юнец хочет убить старого медведя и при этом рисковать жизнью моего ребенка! Не позволю! Этот бобровый пруд кишит Подводными Людями, которые опрокинут их лодку и уташат их на дно! Не позволю! А что помешает раненому медведю, когда он разозлится от раны, и его жене доплыть до хатки и разорвать вас вместе с хаткой в клочки мяса и кучку палок?

– Но старый медведь не будет просто ранен; на таком близком расстоянии я могу послать пулю ему в мозг и убить его. Что касается его жены – пока она до нас доплывет, у нас будет достаточно времени, чтобы перезарядить ружье. Я не смогу промахнуться и не попасть ей в голову, когда она будет плыть к хатке. А Голубка будет рядом со мной с ружьем моего отца, – сказал я.

Мой отец остановил дальнейшие протесты старухи, подняв руку. Он повернулся к Старому Солнцу и вопросительно посмотрел на него.

– Ну, вот что я скажу на это, – ответил он. – Если они могут дойти до пруда и от него и на них никто не нападет, я думаю, что можно рискнуть. Я думаю, что они смогут убить этот липкий рот. А что касается Подводных Людей, так известно, что они не живут в бобровых прудах; они не могут поставить лагерь на мягком илистом дне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.